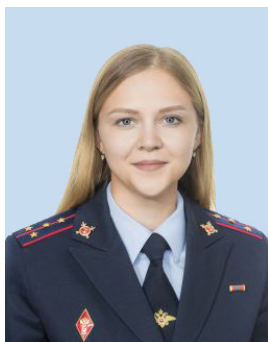

Научная статья
УДК: 343.14
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-283-287>

«Парадокс стимулирования» обвиняемого к признанию своей вины

Иваньшина Анастасия Эдуардовна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, 19nastja94@mail.ru

Аннотация. Признание обвиняемым своей вины представляет особую ценность для уголовного процесса как для области теоретического осмысления, так и для деятельности практических органов. Глубокий интерес к признанию вины длительное время вызывал массу дискуссий и споров о его сущности, значении, иерархии, а также способах получения. С одной стороны, добровольное признание обвиняемым своей вины — это признание, которое он дает, исключительно исходя из своих внутренних убеждений, норм морали, совести и прочих веханий души. С другой стороны, ждать, что каждый обвиняемый явится и сознается в совершенном преступлении самостоятельно, без какого-либо вмешательства правоохранительных органов, нецелесообразно, так как такая ситуация является исключением из правил, тем более что в уголовно-процессуальном законе есть формы позитивного воздействия на обвиняемого, которые предоставляют ему ряд выгодных для него стимулов, способствующих получению признательных показаний.

В этой связи возникает так называемый «парадокс стимулирования» обвиняемого к добровольному признанию своей вины, заключающийся в том, что такое признание исключает всякое стимулирование, но без стимулирования добровольное признание вины само является исключением.

Ключевые слова: парадокс, признание вины, стимулирование, добровольность, добровольное признание

Для цитирования: Иваньшина А. Э. «Парадокс стимулирования» обвиняемого к признанию своей вины // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 283–287. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-283-287>.

Original article

The “paradox of stimulating” the accused to admit his guilt

Anastasia E. Ivanshina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 19nastja94@mail.ru

Abstract. The admission of guilt by the accused is of particular value for the criminal process, both for the field of theoretical understanding and for the activities of practical bodies. A deep interest in the admission of guilt for a long time caused a lot of discussions and disputes about its essence, meaning, hierarchy, as well as ways to obtain it. On the one hand, the voluntary admission of guilt by the accused is a confession that he gives solely based on his inner beliefs, norms of morality, conscience and other trends of the soul. On the other hand, it is impractical to expect

© Иваньшина А. Э., 2024

that each accused person will appear and confess to the crime committed independently, without any intervention by law enforcement agencies, since such a situation is an exception to the rules. Moreover, in the criminal procedure law there are forms of positive influence on the accused, which provide him with a number of beneficial incentives for him to obtain confessions. In this regard, the so-called “paradox of stimulating” the accused to voluntarily admit his guilt arises, which consists in the fact that such a confession excludes any stimulation, but without stimulation, voluntary admission of guilt is itself an exception.

Keywords: paradox, admission of guilt, stimulation, voluntariness, voluntary recognition

For citation: Ivanshina A. E. The “paradox of stimulating” the accused to admit his guilt. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (67), pp. 283–287. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-283-287>.

Добровольное признание обвиняемым своей вины имеет для уголовного судопроизводства важнейшее и многоплановое значение. Подобное признание может вполне претендовать на аксиологический статус и рассматриваться не столько в качестве промежуточной, факультативной цели расследования и судебного разбирательства, сколько в статусе полноправной ценности, стоящей в ближайшем ряду к истине и справедливости. И абсолютно точно установлено, что ценится добровольное признание обвиняемого не только своей доказательственной силой.

Подобный аксиологический подход к пониманию добровольного признания обвиняемым своей вины обязывает уголовное судопроизводство создавать определенные предпосылки, условия и возможности для появления этого признания если не по всем, то по большинству уголовных дел. В практической деятельности почти ординарной является традиция, когда прокурор не утверждает итоговых документов предварительного расследования без процессуальных документов, подтверждающих факт признания обвиняемым своей вины. Таким образом, имеет место особая эмпирическая трактовка известного положения закона, призывающего нейтрально смотреть на признание обвиняемого, не акцентируя его среди прочих доказательств.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ) признание своей вины не может быть положено в основу обвинения, если оно не подтверждается другими доказательствами [1]. В данной ситуации (когда требуют непрямого признания вины) получается, что имеет место практическое обыкновение (неписанный закон), согласно которому вся система доказательств не может составлять основу обвинения, если это обвинение не подтверждается признанием обвиняемого, то есть в системе доказательств не достает этого элемента. Все эти практические нюансы

как раз и свидетельствуют в пользу особой ценности признания.

Задача по достижению признания обвиняемым своей вины может решаться разными способами, например, посредством законных и целенаправленных усилий правоохранительных органов, позволяющих посредством безупречной системы доказательств и искусства субъектов расследования убеждать обвиняемого в необходимости подобного признания, когда сама система собранных доказательств не оставляет обвиняемому шансов избежать уголовной ответственности. Однако такой функционально наступательный подход к решению задачи ставит под сомнение факт добровольности признания обвиняемого, поскольку добрая воля тут опосредуется некоей безысходностью (реальной неотвратимостью наказания) для обвиняемого, возникающей под грузом доказательств. Иными словами, добровольность к признанию побуждается не велением сердца и ропотом души обвиняемого, а внешними обстоятельствами, контекстом самого расследования.

Эти внешние обстоятельства и являются совокупностью тех факторов, которые мы пытаемся обозначить термином «стимулирование». Естественно, что эти факторы различны. Они могут быть обозначены в виде определенной потенциальной возможности на уровне закона либо реализованы в конкретной юридической ситуации. Но независимо от качества этих факторов их объединяет одно: все они являются формами воздействия на обвиняемого, средствами побуждения его к признанию собственной вины. Однако не все эти формы и средства допустимы. Их выбраковка идет по критерию созидания, добровольности признания обвиняемого. И здесь мы неминуемо выходим на ситуацию, которую автор предлагает назвать «парадокс стимулирования». Противоречивость ситуации заключается в том, что, с одной стороны, собственное признание обвиняемого (именно так в старой литературе именуют

добровольное признание обвиняемым своей вины) может рассматриваться как «царица (королева) доказательств» только в том случае, если обвиняемый вовсе избежал внешнего воздействия на себя и был движим к признанию исключительно своей доброй волей на волнах бескорыстной души. Именно об этом пишет Л. Е. Владимиров в монографии своей жизни «Учение об уголовных доказательствах».

Согласно учению Л. Е. Владимирова, в чистом виде добровольное признание обвиняемого (как некое чистое понятие) не приемлет никакого стимулирования. Сам Л. Е. Владимиров по этому поводу пишет, ссылаясь на английских правоведов, следующее: «Собственное признание, *regina probationum*, королева доказательств, тогда, однако может быть признано судебным доказательством, сила которого, впрочем, оценивается по свободному внутреннему убеждению, когда оно дано вполне свободно и добровольно» [2, с. 325].

Далее автор рассуждает о том, что критерии этой свободы и добровольности достаточно условны. И не всегда возможно отделить простое напоминание обвиняемому от угрозы и давления. Однако нам пока интересны не нюансы, а сам подход. Собственное признание почитается судебным доказательством лишь в том случае, когда оно было дано вполне добровольно [2, с. 325].

С другой стороны, вся история уголовного процесса показывает, что технология уголовного процесса не может обойтись без определенного побуждающего воздействия на обвиняемого. Уголовный процесс розыскного типа с его активными поисковыми установками не может выжидательно относиться к этому признанию по своей технологической сути. Да и само по себе признание в его стерильной «царской» форме (без стимулирования) является в определенном смысле исключением из правил, в некотором роде эксцессом, потому что по общему житейскому правилу любой здравомыслящий человек не возжелает свидетельствовать против себя, исходя из врожденного инстинкта самосохранения. Самообвинение в контексте старого правосудия по последствиям порой приравнивалось к самоубийству.

На этом правиле — что никто не враг себе — и строилось недоверие к собственному признанию обвиняемым своей вины. Оно всегда было подозрительно. Не столько забота об обвиняемом, сколько доказательственные сомнения в сообщаемых им сведениях породили особые правила использования

признательных показаний в доказывании; поспособствовали тому, чтобы они не были голословными. В формальном смысле здесь и о показаниях в полном смысле слова речь вести затруднительно. Неслучайно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1923 года в перечне законных доказательств речь шла не о показаниях обвиняемого, а об объяснениях обвиняемого [3]. В старых источниках по этому поводу написано очень много. Советская теория доказательств решила не углубляться в нюансы и причислила объяснения обвиняемого к разряду показаний. И дело в том, что в указанной теории во главу угла была положена сугубо информационная методологическая основа, в то время как в долгой истории доказательств упор делался на юридические нюансы. Все это произошло по простой, на наш взгляд, причине. Теория формальных доказательств была отвергнута и забыта, и новая теория стала строиться на других фундаментах.

Но нас в данном случае интересуют не эти тонкости. Мы акцентируем внимание на том, что, несмотря на весь тот скепсис, который исторически складывается вокруг собственного признания обвиняемого, это его поведение, выражающееся в юридическом акте признания, крайне желательно для уголовного процесса. Это своего рода цель, которая ставится во главу угла, но не афишируется, и поэтому признания этого не просто пассивно ждут от обвиняемого; его добывают при помощи разнообразного воздействия. Причем задача уголовного процесса заключается в том, чтобы придать этим формам максимально законную и понятную форму.

Формы этого воздействия эволюционируют и меняются. Они бывают то ужасными, то прекрасными. В темные века это признание вырывают и вымучивают; в светлые — выторговывают и выкупают. И подчеркнем, что мы ведем речь исключительно о законных формах. Здесь важно подчеркнуть, что сама идея стимулирования остается неизменной. Это есть константа.

Таким образом, можно констатировать и историческое присутствие в уголовном процессе некоего латентного технологического принципа, толкающего органы расследования и суда на непереносимое добывание этого признания, а законодателя — на нормативную разработку средств его уголовно-процессуального стимулирования, адекватных эпохе и мировоззрению общества.

Итак, мы имеем парадокс, укладывающийся в формулу: добровольное признание обвиняемым своей вины исключает всякое стимулирование, но без стимулирования добровольное признание вины само является исключением. Иными словами, добровольное признание обвиняемым своей вины физически невозможно ввиду отсутствия стимулирования и одновременно «психически» невозможно именно ввиду наличия стимулирования.

На первый взгляд этот парадокс кажется непреодолимым, поскольку он констатирует, что стимулирование добровольного признания обвиняемого и его (признания) добровольность — две вещи несовместимые. Однако непреодолимость этого парадокса имеет место лишь в том случае, если мы рассматриваем признание обвиняемым своей вины как акт сугубо бытовой, а не юридический. С бытовой точки зрения, если обвиняемого однажды побуждали различными способами к признанию своей вины, то его признание утрачивает статус добровольности навсегда. Иными словами, любое вмешательство компетентного органа на любом этапе обнуляет эту добровольность, а вслед за ней и силу признания. При очень жестком взгляде на добровольное признание вины мы в конечном счете можем вообще прийти к безысходному выводу, что подобное признание возможно исключительно вследствие явки лица с повинной. То есть в этой стерильной ситуации именно явка с повинной и есть необходимый пролог к тому, чтобы собственное признание стало царицей доказательств. Все прочие порывы обвиняемого каким-то образом будут связаны со стимулированием, поскольку он вступит в контакт с правоохранительными органами, где движущей силой является законное принуждение.

Однако сказанное в предыдущем абзаце не следует рассматривать как наше утверждение. И тем более не стоит приводить этот текст в качестве ошибочности нашей позиции (автор якобы считает, что добровольность признания возможна только при явке с повинной). Этот фрагмент скорее походит на вопрос и является попыткой подчеркнуть, что отсутствие стимулирования как ключевой фактор добровольности признания обвиняемого требует особой теоретической и прикладной интерпретации.

Во-первых, следует иметь в виду, что связь «царского» положения признания обвиняемым своей вины с полным отсутствием стимулирования есть лишь некое «стерильное» выражение теоретической юридической конструкции. Это

в некотором роде «вакуумный» подход, когда принцип «добровольность возможна только в отсутствие стимулирования» рассматривается в отрыве от человека и его бытия. В реальной жизни всякое поведение субъекта обусловлено различными факторами. И избежать этих факторов просто невозможно. Поведение управляется и направляется. Оттого и признание обвиняемого как поведенческий акт невозможно без побудительных мотивов.

Заговорив о поведении, мы выходим на важнейший аспект и само понятие стимулирования добровольного признания обвиняемым своей вины. Данное признание может рассматриваться еще в одном ключе: процедурно, как действие, растянутое во времени и завершаемое определенной юридической констатацией отношения субъекта к своей виновности. Это второй важнейший момент, который позволяет смотреть на признание обвиняемым своей вины как на некий процесс, не только не исключающий формирование добровольности извне, но и предполагающий ее. При подобном подходе стимулирование может рассматриваться не как принуждение к признанию, а как процессуальная форма, способствующая формированию добровольности признания; как предпосылка к тому, что в суде данное признание будет подтверждено перед лицом судьи уже без всякого стимулирования.

Если на этапе формирования добровольности признания используемый способ стимулирования был, по мнению обвиняемого, не приемлем, он всегда может обнулить свое признание в рамках судебного разбирательства. В юридическом смысле добровольное признание обвиняемым своей вины может быть дано только в суде и нигде более. Признание, сделанное на других этапах, даже перед лицом самых высокоуполномоченных представителей следственной власти, является в определенном смысле лишь предварительным (и в этом смысле временным) признанием, и поэтому обвиняемый имеет право от него отказаться на вполне законных основаниях. В подобном устройстве уголовного процесса тоже скрываются гарантии добровольности признания.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что противоречие, выпирающее из парадокса стимулирования, лишь кажущееся. Оно относится лишь к заключительному юридическому этапу добровольного признания обвиняемым своей вины, который имеет место в судебном разбирательстве. Суд не может и не должен стимулировать обвиняемого (подсудимого)

признавать свою вину. Суд лишь предоставляет возможность обвиняемому признать свою вину добровольно. При этом сам обвиняемый может обнулить свои прежние добровольные досудебные признания, поскольку они хоть и неформально, но носят предварительный характер, равно как и все прочие материалы предварительного расследования.

Таким образом, мы утверждаем, что стимулирование есть неотъемлемый элемент процесса формирования добровольного признания обвиняемым своей вины. В широком смысле форм подобного стимулирования может быть великое множество. В узком смысле это исключительно законные формы, прямо прописанные в уголовно-процессуальном законе.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред.

от 04.08.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.08.2024).

2. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.

3. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2024).

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended. from 04.08.2023). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 28.08.2023). (In Russ.)

2. Vladimirov L. E. The doctrine of criminal evidence. Tula, 2000. (In Russ.)

3. On the approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR: resolution of the Central Executive Committee of February 15, 1923. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 23.06.2024). (In Russ.)